

Вине Меир

**Избранная для волка.
Чей вой отзовется
в моем сердце?**

Меир В.

М45 Избранная для волка. Чей вой отзовется в моем сердце? /
Вине Меир. – М.: Литнет, 2026. – 170 с.

ISBN 978-5-521-94271-8

– Мы привезли не только еду. – Нана достаёт из кармана свёрток с бинтами и бутылочки зелёнки. – Это... немного, но...

Роуз осторожно берёт свёрток в зубы и кивает.

– Благодарю.

Я не могу сдержать улыбки. Но радость быстро улечучивается, когда сначала я слышу чье-то дыхание позади себя, а потом легкий, но больночий укус за зад. Я резко оборачиваюсь, хватаясь за укушенное место, и вижу огромного почти полностью черного волка, что с какой-то наглой ухмылкой смотрит на меня.

– Какого чёрта чувак?

Ханна фыркает, стараясь не рассмеяться:

– Поздравляю, тебя только что отметили как свою территорию.

– Очень смешно, – ворчу я, потирая зад.

– Рагнар! – рыкнул Шадоу, вышедший с той же стороны, что Роуз, – Что ты себе позволяешь?

– Ровно то же, что и вы, – рычит тот басом, – Спутаться с людишками! Не удивительно, что старейшины вам не доверяют. Из тебя будет никакущий вожак!

– Так. Не поняла. Вожак из него, а кусать за попу меня? – пропищала я, не давая разлиться конфликту.

– Слишком уж аппетитная блондиночка, не бери на свой счет!

Ханна закатывает глаза так сильно, что, кажется, вот-вот увидит собственный мозг. О боже, это волк-хам. Просто идеально.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94271-8

© Литнет, 2026

© Меир В., 2026

Глава 1

Лес под Льюистауном, штат Монтана, пах осенью – грибной сыростью и прелыми листьями, чей терпкий аромат висел в воздухе густыми волнами, смешиваясь с запахом мха, разбухшего от дождей. Ханна шла впереди меня, резко раздвигая ветки, которые тут же смыкались за ее спиной, словно пытаясь отгородить нас от цивилизации. Ее движения, отточенные временем подобных вылазок, пугали меня своей безжалостной точностью – будто она сражалась не с кустами, а с невидимым противником, преграждавшим путь к цели.

– Ты уверена, что это был волк? – спросила Филлипс в пятый раз, спотыкаясь о корни. Она вообще когда-нибудь смотрит под ноги? Вот уж сомневаюсь.

В ответ я лишь сильнее впила пальцами в грубую ткань сумки с бинтами, чувствуя, как ее ремень врежется в плечо. Вчерашний снимок с фотоловушки – тот самый серый бок, мелькнувший меж деревьев, – горел в кармане как оправдание для безумия.

Будучи немногими, кого беспокоила живая природа (называйте нас зелеными человечками, если так угодно), мы с утра пораньше в выходной день отправлялись в лес. Или вечером перед сменой. Или утром после нее. В общем, как говаривала мама, качая головой у телефона: «Скоро перевезете туда диваны и микроволновку – будет вам дом под открытым небом».

– Уверена, – бросила я коротко, не вдаваясь в подробности.

Раненого зверя мы обнаружили у ручья, где вода, обычно прозрачная и звонкая, теперь струилась ржавыми прожилками, будто земля истекала железом. Это была кровь.

Волчица (теперь мы разглядели – точно самка) прижалась к валуну, покрытому лишайником, ища защиты у древнего камня. Ее задняя лапа была зажата в капкане старого образца – железная пасть

с зубцами, похожими на клыки доисторического хищника, ржавевшими под слоем времени и равнодушия.

– Боже, это же запрещенный тип, – прошептала Ханна, но ее руки уже автоматически рылись в рюкзаке, доставая седатив. В уголке глаза я заметила, как дрогнула ее нижняя губа – единственный признак волнения у этой обычно непробиваемой девушки.

– Смотри аккуратнее, – произнесла я, пытаясь разрядить напряжение полуулыбкой, которая застряла где-то между иронией и страхом. – А то придется тащить до машины не только ее, но и тебя.

Переступая с камня на камень, я старалась сохранить равновесие – не столько физическое, сколько душевное. Вода журчала под ногами насмешливой мелодией, и каждый всплеск казался упреком:

«Зачем вы здесь? Это не ваша война». Но мы уже сделали свой выбор, когда решили, что чья-то боль – пусть даже звериная – важнее сухих ботинок.

Ханна присела на корточки перед волчицей, медленно протягивая шприц. Ее пальцы сжимали пластиковый корпус так крепко, что костяшки побелели, а свет фонаря, дрожащий в вечере, выхватывал из темноты остекленевшие глаза зверя. Волчица лежала в кольце опавших листьев, ее бок подрагивал с каждым прерывистым вдохом.

Зверь зарычал, но звук был слабым, прерывистым – боль и потеря крови делали свое дело, превращая рык в хриплый шепот, который затерялся в гуле почти ночного леса.

– Держи ее, – бросила Ханна мне, и я, не раздумывая, шагнула ближе, ощущая под ногами хруст сухих веток.

Мои пальцы вцепились в загривок волчицы, будто в грубую щетку. Шерсть под пальцами оказалась жесткой, колючей, пропитанной потом и страхом, смешанным с запахом металла и земли.

Укол подействовал быстро. Жидкость из шприца медленно втекла в тело, и глаза хищника помутнели, словно затянутые пеленой тумана. Веки дрогнули, и тело обмякло, оседая в моих руках. Теперь

оставалось самое сложное – разжать капкан, чьи зубы впились в плоть глубже, чем казалось при первом взгляде.

– На-На (так можно было звать ее только мне), – резко обернулась я, чувствуя, как холодный ветерок пробежал по спине, – поддержи фонарь. Не дыши мне в затылок.

Она замерла, послушно держа фонарик чуть выше. Металл закрипел под пальцами, ржавчина осыпалась, как старая кожа, оставляя на земле рыжие пятна.

– Почему здесь вообще такие ловушки? – прошептала Филлипс, ее голос дрогнул, словно струна, задевая тишину.

– Потому что кому-то плевать, – сквозь зубы процедила я, вонзая монтировку, что достала из сумки, между зубцами капкана. Лезвие скользнуло по металлу, высекая искры, которые на миг осветили наши лица. Попытка. Еще одна. Раздался резкий щелчок, и железные челюсти разжались, а лапа волчицы, изуродованная до мяса, высвободилась.

– Бинты, – приказала Ханна, сменяя меня, и я уже раскрывала сумку, доставая перевязочные пакеты. Кровь хлынула с большей силой чем прежде. Руки дрожали, но движения были точными – годы тренировок на курсах первой помощи не прошли даром.

– Она выживет? – спросила я Филлипс, глядя, как она уже ловко накладывает повязку.

– Если повезет, – ответила подруга, не поднимая глаз, в которых отражались блики фонаря.

– А если не повезет?

– Тогда мы хотя бы попробовали.

Вздых облегчения, теплый и неровный, вырвался из груди. Ткань бинтов хоть и пропиталась кровью, но кажется, кровотечение удалось остановить, перетянув чуть выше раны, где кожа была еще цела, бледная и холодная на ощупь.

Мы с подругой переглянулись и довольно улыбнулись, словно два ребенка, справившихся с непосильной задачей. Работа была

проделана хорошо, и даже звезды, выглянувшие сквозь кроны, будто одобрительно подмигнули.

Тишину нарушил далекий хруст веток, такой громкий в этой внезапной пустоте. Мы замерли, переглянувшись, словно статуи, застывшие в полушаге, и в воздухе повисло напряжение, густое, как смола, обволакивающее каждую клеточку тела.

– Это не ветер, – прошептала Ханна, ее голос задрожал, как лист на ветру, а глаза метались по темноте, выискивая невидимую угрозу.

– Даже знать не хочу, что это... – ответила я, сжимая сумку так, что швы затрещали под пальцами, – Собери вещи... Оставь еды... Кажется, мы тут и правда не одни.

Подруга скользнула дрожащими пальцами в сумку, пошуршав упаковкой, будто пытаясь заглушить собственное дыхание. Звук рассыпался по лесу, привлекая внимание «хозяина» территории. Снова хруст веток, на этот раз ближе, и тихое рычание, просочившееся сквозь темноту, как предупреждение.

– На-На... Чуть быстрее, прошу, – я нервно сглотнула комков страха, впиваясь взглядом в кусты, где шевеление стало отчетливее, как будто сама тень ожила. Пара зеленых глаз блеснула меж веток, холодных и безжалостных. Сердце пропустило пару ударов, упав в пятки, а по спине пробежали мурашки.

– Это не волк...? – прошептала Филлипс, отступая полуприсядью назад.

Глаза в темноте не мигали.

Ханна резко дернула меня за рукав, ее пальцы впились в ткань. Фонарь выхватил из мрака фигуру – высокую, сгорбленную, покрытую грубой шерстью, сливающейся с тенями, точно сама ночь обрела плоть.

– Волк... Но определенно точно покрупнее того, с которым мы имеем дело... – прошептала я, голос сорвался в шепот.

Существо зарычало – низко, грудью, как медведь, но с хриплой нотой. Я не нашла ничего лучше, как дрожащими руками достать

из сумки заначку с перекусом, и в зверюгу полетела палка очищенной колбасы, описав в воздухе дугу. Рык.

– Бежим! – крикнула (больше было похоже на писк) Ханна, и она потянула меня за собой. Только тени на месте и остались как будто мы мультяшки. А пятки засверкали вдалеке.

Мы бежали так быстро, как только могли, воздух рвал легкие, а сердце колотилось, словно пыталось вырваться из груди. Плеватель было, что монтировка осталась на земле, как и часть бинтов – сейчас важнее были каждые секунды. Но нам повезло, что животное не бросилось в погоню. ОООЧЕНЬ ПОВЕЗЛО, ЧТО КОЛБАСА ОКАЗАЛАСЬ АППЕТИТНЕЕ НАС!

Дверь авто хлопнула, звук металла, знакомый и спасительный. Я с облегчением выдохнула, обхватывая руль руками, липкими от пота. Сегодня мы и правда были близко к неминуемой гибели. Как никогда близко.

– Лэс... Ходу-ходу! – в панике подруга, что едва ли успокоилась на мгновение, начала трясти меня за плечо. Я машинально обернулась назад, смотря туда же, куда и она и кровь застыла в жилах.

Огромный серый волк вышел на дорогу, его шерсть отливала серебром при лунном свете, словно древний воин в доспехах. Стоял, смотрел на нас, недовольно скалясь.

Я нащупала рукой ключ в замке зажигания, металл холодный и спасительный и машина со свистом ринулась прочь.

– Ну его нахрен, я ему не колбаса!

Глава 2

– Лесли Холл! – громогласный крик босса, да еще и содержащий мое имя, заставляет замереть на месте, вцепившись пальцами в передник фартука.

– Да, сэр? – механически медленно поворачиваю на него голову. Максимально неприятный дядька. Среднего роста, коренастый, с этой барсеткой под животом, будто не владелец заведения, а барыга, случайно забредший в наше скромное кафе.

– Снова опоздание? Столики сами себя не обслужат! Или тебе так не нужна работа?

– Простите, сэр, – выдавливаю из себя, чувствуя, как кровь приливает к щекам. – Автобус сломался, а пешком я...

– Не интересно! – перебивает он, тыча пальцем в сторону зала. – Вон за тем угловым столиком сидят те самые критики из «Гастрономического обозрения». Если они останутся недовольны – ты останешься без работы. Поняла?

Губы сами собой складываются в дежурную улыбку, а пальцы нервно расправляют складки на фартуке.

– Поняла, сэр.

– Иними этот дурацкий значок! – бросает он мне вдогонку, указывая на крошечную эмблему с волком, приколотую к воротнику.

Значок... последнее, что осталось от того дня в лесу. Ханна занята подготовкой к диплому, а одна я не рискнула бы сунуться туда, где нас чуть не сожрали.

– Тут еще?

– Прошу прощения! Сейчас, сэр.

Разворачиваюсь к залу, где за столиком у окна сидят двое – мужчина с блокнотом и женщина, изучающая меню через очки в тонкой оправе. Их лица кажутся такими... обычными. Такими человеческими.

Но я-то знаю – иногда за человеческим взглядом скрываются совсем другие глаза.

– Добрый вечер, – говорю, подходя к их столику. – Готовы сделать заказ?

И ловлю себя на мысли, что машинально смотрю на их руки.

На пальцы. На то, как они держат вилки. Совершенно обычные. А мысли все возвращаются к лесу, туда, где пахло сыростью и хвоей. Где грудь дышала в полную силу. Сейчас ощущаю себя запертой в клетке.

– Добрый вечер, – женщина поднимает на меня взгляд, и её глаза – обычные, карие, человеческие – сужаются, будто улавливают мой нервный взгляд на её руках. – Вы... новенькая здесь?

Я резко отвожу взгляд, чувствуя, как под фартуком холодеют ладони.

– Да, недавно устроилась.

Мужчина откладывает блокнот, и его пальцы постукивают по обложке.

– Ага, видно. Выглядите так, будто ждёте, что мы превратимся в оборотней и сожрём вас прямо здесь! – он посмеялся. Как? Догадался, что я подумала об этом же? Городок у нас не очень большой, да я их не видела тут раньше.

Сердце замирает.

– Просто... устала.

– Ну, тогда порекомендуйте нам что-нибудь, – говорит женщина, улыбаясь. – Что-то... мясное.

– У нас отличный стейк, – автоматически отвечаю, но голос звучит чужим.

– С кровью? – мужчина поднимает бровь.

– Да... если хотите.

Они переглядываются.

– Идеально, – говорит женщина. – И... кофе. Крепкий.

Я киваю и спешу уйти, записав на страничке все, что мне было нужно.

– Так значит... хочешь вернуться в лес? – спрашивает меня Ханна. После смены, утром, приняв душ, я принимала ее у себя в гостях. Подруга любила приходить, особенно, если перед этим уточнить, что удалось стащить с работы какой-то вкусняшки, пока не видело начальство.

– Та волчица все-таки была ранена...

– А тот волк может все еще остался там. Рядом с ней. Или ее добил.

Я замерла с кружкой чая в руках, чувствуя, как горячий пар обжигает губы.

– Ты думаешь, он мог...?

– Не знаю, – Ханна откинулась на диван, закинув ноги на журнальный столик. Ее взгляд был прикован к потолку, будто там висели ответы на все вопросы. – Но если он не тронул нас тогда, может, у него были причины.

– Например? – внимательно я слушала подругу.

– Например, он знал, что мы пытались помочь.

Я фыркнула, поставив кружку так резко, что чай расплескался через край.

– Очень мило. Только вот оборотни из сказок не благодарят людей, Ханна. Они их едят.

Она повернула голову, и в ее глазах мелькнуло что-то... странное.

– А кто сказал, что он оборотень?

Тишина повисла между нами, густая и неловкая.

– Ты что-то знаешь? – спросила я, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

Филлипс медленно поднялась, подошла к окну и раздвинула шторы. Улица была пустынна, залитая желтым светом фонарей.

– Вчера, пока ты была на работе, я зашла в библиотеку. Проверила старые газеты.

– И?

– В этом лесу... пропадают люди. Уже лет пять. Всегда в полнолуние.